

Г.Ф. Гаврилова

**О МОДУСНЫХ
ЗНАЧЕНИЯХ
В ИЗЪЯСНИТЕЛЬНОМ
СЛОЖНОПОДЧИНЕННОМ
ПРЕДЛОЖЕНИИ**

В статье описана специфика модусных значений в изъяснительных сложноподчиненных предложениях, представлены модальные характеристики, выражающие внутреннее состояние автора, псевдоавтора и персонажей при помощи глаголов речи, мысли и чувства.

Гаврилова Галина Федоровна — докт. филол. наук, профессор кафедры русского языка и культуры речи факультета лингвистики и словесности Педагогического института Южного федерального университета

© 2007 г. Г.Ф. Гаврилова

Как отмечают М.М. Черемисина и Т.А. Колосова, «модус — это вербализованная субъективная интерпретация диктумного события, которая может даваться в аспекте модальности (т. е. возможности, вероятности события и степени достоверности сообщения о нем) или в аспекте характера психической обработки информации о диктумном событии» [Черемисина, Колосова, 1987, с. 35].

Феномен изъяснительного сложноподчиненного предложения (далее СПП) заключается в том, что, в отличие от других СПП, модусное значение закреплено в нем за главной частью, содержание которой вторично по отношению к диктумному значению придаточной и как бы казуируется им. Если значение диктумного события в изъяснительных СПП достаточно самостоятельно, то модусное событие не может мыслиться в отрыве от диктума.

Основное модусное значение в главной части изъяснительного СПП выражается с помощью семантики опорного слова (речи, мысли, восприятия, чувства), т.е. его обобщенно-лексическим значением психической оценки.

Изъяснительное сложноподчиненное предложение отличается от простого тем, что пропозиционное значение и модусный аспект значения выражены в простом предложении нерасчлененно. В изъяснительных же СПП эти аспекты значения (два слоя семантики) выражены расчлененно: модусный компонент — главной частью, а пропозиция, референтный компонент — придаточной (хотя это и не исключает семантической диффузии).

Оценочное, комментаторное значение главной части в основном опре-

деляется тем, что в качестве опорного слова в изъяснительных СПП выступают лексические единицы, которые имеют не только денотативное значение (т. е. значение определенного факта, пропозиции), но и содержат в качестве обязательного компонента своего значения разнообразные субъективные оценки со стороны автора речи, распространяющиеся на пропозицию, выраженную в придаточной части. При этом денотативное значение опорного слова (чаще всего — глагола) в ряде случаев затушевывается, в какой-то мере погашается, отодвигается на второй план [Гаврилова, 1984, с. 10], а опорное слово фиксирует оценку, реакцию говорящего на факт, ситуацию, выраженные придаточной частью.

Комментаторное значение в опорном слове — глаголе возникает в своем образовании на базе референтного денотативного значения, отражающего определенный тип деятельности. При этом комментаторные значения наиболее часто и ярко проявляются в СПП с опорными словами — предикатами речи, мысли, восприятия, чувства. Так, глагол речи *«говорить — сказать»* совмещает в себе референтное, пропозиционное значение факта речевой деятельности и разнообразные экспрессивные, модальные, т.е. комментаторные семы, актуализация которых в глаголе определяется контекстом. Глагол *«говорить»*, имея референтное значение, употребляется с комментаторным значением засвидетельствованности факта: — *Я говорю ему, Верочка, — продолжал он (Туркин. — Г.Г.), представляя доктора жене, — я ему говорю, что он не имеет никакого римского права сидеть у себя в больнице (А.П. Чехов. Ионыч)*. И этот же глагол используется с другим оценочным значением — модальным значением уверенности, категорического утверждения: — *Говорил вчерась, что веревки длинные, — ворчит старик, — так нет, — не длинные, папаша! (А.П. Чехов. Холодная кровь)*. Глагол *«говорить»* может иметь и метафорическое значение, равное глаголу *«выражать»*: *Но взгляд ее говорил, что она знает, что у него есть сердце, и от этого-то боится его (Л.Н. Толстой. Анна Каренина)*. Изъяснительные конструкции — это и средство передачи субъективного эмоционального отношения говорящего к факту, к собеседнику, чувство недовольства собеседником, поступившим вопреки желанию автора речи.

Наконец, глагол *«говорить»* наряду с пропозиционной семой (речевая деятельность) при союзе *чтобы* актуализирует сему фактивной каузации (волевое, побудительное значение): *Захотелось им, видите, турецкого табаку — стали ему говорить, чтобы он с ними ночью в лавку забрался, за табаком (А.П. Чехов. Темнота)*.

Особенно активно изъяснительные СПП с преобладанием комментаторного значения опорного слова используются в диалогической речи. Это и понятно, ибо диалог-текст, который не просто передает информацию о собеседниках — говорящем или адресате речи, но и

информацию о характере связывающих их личностных, социально-групповых отношений, распределении социальных ролей, отношения референтного содержания высказывания к говорящему, коммуниканту. Употребительности изъяснительных СПП в диалогической речи способствует и необычайное богатство их функций, а также способность их к многофункциональности.

Функции изъяснительных СПП чрезвычайно разнообразны. При этом в СПП опорные слова в собственно референтной функции (когда комментаторная сема отступает на второй план, погашается архисемой денотатного характера) встречаются крайне редко. Ее реализация обязательно осуществляется за счет определенного микроконтекста (употребления при опорном слове-глаголе слов *так, таким образом, не раз, всегда*, указывающих на процессуальность действия, его качественную характеристику, или с помощью включения опорных слов в однородный ряд глаголов, не обладающих даже в потенции комментаторным, оценочным значением): *Я сказала мужу, что больна, и поехала сюда* (А.П. Чехов. Дама с собачкой); *К тому же вы сами не раз говорили, что каждый должен добывать хлеб собственными руками, между тем вы добываете деньги, а не хлеб* (А.П. Чехов. Моя жизнь). В последнем примере модусное значение засвидетельствованности факта отступает на второй план перед значением с архисемой повторяющегося процесса речевой деятельности.

Сравнительно редко встречаются изъяснительные СПП в эмоциональной функции. В роли опорных слов в таких предложениях могут выступать разные части речи (краткие прилагательные, категория состояния, глагол): *Поймите и радуйтесь, что судьба послала вам такую жену!* (А.П. Чехов. Удав и кролик); *«А хорошо, что я на ней не женился», — подумал Старцев* (А.П. Чехов. Ионыч); *Очень рад, что застал... Бога ради, не откажите сейчас поехать со мной* (А.П. Чехов. Враги). Чаще всего такие конструкции в силу своей семантики и речевого смысла апеллируют к определенным чувствам собеседника.

Наиболее широко представлены в речи предложения с разнообразными коннотативно-оценочными функциями главной части, прежде всего — модальной: *Я думал (предполагал), что вы больны, а вы с ерундой какой-то* (А.П. Чехов. Отрава); — *Послушайте, — обратился он (городничий. — Г.Г.) к околоточному, — скажите (прикажете, велите) там музыкантам, чтоб они... перестали играть* (А.П. Чехов. Мороз); *Послушай, поди ко мне домой и скажи Марье Васильевне, чтоб не сердилась* (А.П. Чехов. Надлежащие меры).

Столь же широко в живой разговорной речи употребляются СПП с фатической функцией (контактной), этической, сатисфакции и т.п. Функции эти явно связаны с установкой речевой деятельности говорящего: *Милая, как приятно, что вы пришли* (А.П. Чехов. Дуэль). Обычно

такие построения образуют клише: *как приятно, что; как хорошо, что; как я рад, что* и др.

Изъяснительные конструкции в функции этикетной используются в языке XIX в. гораздо чаще, чем это наблюдается в современной живой разговорной речи. Многие из оборотов, выступающих в роли главной части СПП, уже выглядят архаичными, неупотребительными в современном русском языке (или мало употребительными). Таковы вопросительные предложения с устойчивым клише в роли главной части: *Не находите ли вы (ты), что...; Вы не находите, что...*, выражающие некатегоричное, ненавязчивое суждение, утверждение, допускающее альтернативу несогласия собеседника, основанную на уважении к его мнению: *Теперь, для начала нашей беседы, скажите, не находите ли вы, что если бы силу воли, это напряжение, всю эту потенцию вы бы затратили на что-нибудь другое... то ваша жизнь захватывала бы шире и глубже...* (А.П. Чехов. *Моя жизнь*); — *Вы не находите, что этот монолог несколько длинен?* — *спросила Мурашкина, поднимая глаза* (А.П. Чехов. *Драма*).

Этикетизация общения — важная функция СПП. Форма СПП и семантика опорного слова в нем при данной функции ориентированы на собеседника — кто он: «человек той же социальной группы или нет, выше или ниже стоящий (иерархический ранг собеседника), связанный или не связанный с говорящим какими-либо более тесными социальными узами (отец, брат, муж и т. п.)» [Волошинов, 1929, с. 110]. Следует отметить, что многие этикетные фразы — изъяснительные предложения — включены в определенную синтаксическую схему. Так, этикетные формы извинения содержат очень часто противопоставление (с союзом *но*) — мотивировку факта, выраженного в придаточном изъяснительном: *Извини, что я посвящаю тебя в свои тайны, но мне необходимо высказаться* (А.П. Чехов. *Дуэль*): *Ты извини, что я вмешиваюсь в твои семейные дела, но... почему бы тебе не уехать вместе с Надеждой Федоровной?* (там же). Кроме того, в целях акцентации апеллирования к говорящему изъяснительные СПП используются в метаязыковой функции: *Я объясняю, что вы мешаете нам* (А.П. Чехов. *Беззащитное существо*); *Я спрашиваю, отчего ты не платишь недоимку?* (А.П. Чехов. *Мужики*); *Говорю тебе в последний раз и передай это своей безнравственной сестре, что вы от меня ничего не получите* (А.П. Чехов. *Моя жизнь*). Прагматические задачи такого акцентирования заключаются в том, что говорящий, ориентируясь на коммуниканта, при помощи акцентирования придает или стремится придать содержанию изъяснительной придаточной части значение истинности для того, чтобы повысить его вербальную действенность и добиться от партнера по общению коммуникативного прагматического согласия, ибо воздействие на собеседника, достижение взаимопонимания — основная цель коммуникации.

Изъяснительным предложениям присущи богатые речевые потенции, свидетельствующие об их потенциальной неоднозначности не только в плане возможности передавать две или одну пропозицию, но и в плане возможности одной и той же главной части (с одним и тем же опорным словом) передавать разные модусные оценки. Такая конденсация семантических потенциалов, заложенная в изъяснительных конструкциях, позволяет при максимальной экономии речевых средств выразить всю гамму эмоциональных, модусных оценок за счет актуализации их средствами контекстного окружения [Вейхман 1984, с. 35]. В силу этого многие изъяснительные конструкции потенциально неоднозначны. Таково, например, предложение: *Владимир говорил (уверял, утверждал. — Г.Г.), что все городские женщины и девушки малокровны от безделья* (А.П. Чехов. *Моя жизнь*). Лишь дискурс конкретизирует в данном случае значение опорного слова. Вне контекста оно имеет денотативное значение речевой деятельности и комментаторное — засвидетельствованности факта в придаточной. Однако контекст актуализирует иную комментаторную сему — модальной оценки уверенности, убежденности в истинности факта, ибо адресат речи — Клеопатра, как мы понимаем, сама непреклонно уверена в абсолютной истинности всех суждений Владимира Благово и высказывает их как свое убеждение.

Отдельные опорные слова (*знать, говорить, понимать, думать, видеть*) обладают очень широкими потенциальными семантическими возможностями. Так, слово *знать* может передавать в изъяснительных конструкциях несколько комментаторных значений, отодвигающих на второй план его первичное значение процесса как результата мыслительной деятельности: 1) значение засвидетельствованности факта, данного в придаточной: *Почему она меня спасала, почему я изменился, глядя на нее, и пить перестал, не могу вам объяснить. Знаю только, что от ее слов и благородных поступков в душе моей произошла перемена...* (А.П. Чехов. *Нищий*); 2) значение логического осмысления факта, передаваемого придаточной (*знать* — равно по значению *понимать*): *Я курю и знаю, что все это не умно, браню и не люблю себя за это* (А.П. Чехов. *Дома*); 3) модальное значение уверенности в истинности факта: *Она (Анюта, — Г.Г.) тебя любит, обожает, она знает, что ты прав, и знает, что я права, — но какая-то сила мешает ей прийти к нам* (А.П. Чехов. *Моя жизнь*); 4) модальное значение предположения: — *Я знаю, что ты теперь думаешь — говорил подвыпивший старик. — Ты думаешь, я опустил ся* (А.П. Чехов. *Отец*); 5) собственно-контактное значение имеет главная часть СПП с отрицанием перед словом *знать* и союзным словом: «*Лиза, вы не знаете, зачем это меня обыскивали?» — спросила у нее (горничной. — Г.Г.) гувернантка* (А.П. Чехов. *Переполах*).

В предложениях с союзным словом опорное слово *знать* обозначает результат поиска информации и согласуется с вопросительной синтаксической семантикой придаточного (*знать* равно по значению *иметь сведения*). На первый план выступает референтное значение опорного слова: *Вы знаете, до какой степени масса, особенно ее средний слой, верит в интеллигентность, в университетскую образованность, в благородство манер и литературность языка* (А.П. Чехов. Дуэль); *Без секретаря и Храпова никто не знает, где что лежит, куда кого послать* (А.П. Чехов. Один из многих).

В изъяснительных СПП расчлененность, отдельность выражения референтного и модусного значений, распределение их соответственно между придаточной и главной частями определяет необычайно богатую гамму их модальных экспрессивно-эмоциональных возможностей, которыми не обладают простое и другие сложные предложения.

Феномен изъяснительных СПП делает их незаменимым «участником» художественного текста, маркерами адресантности монологической речи, выразителями модусных рамок, сигнализирующих о том, что автор текста передает свои функции повествователя одному из персонажей: *Ей (Ольге. — Г.Г.) казалось, что этот звон острою колючкою вошел ей в душу...* (А.П. Чехов. Мужики). Главная часть в данном предложении создает ментально-эмотивную модусную рамку повествования, автор которой — персонаж.

Модусные рамки, соответствующие главной части СПП, крайне многообразны: перцептивность, ментальность, волюнтаривность, реактивность, авторство речевого акта [Золотова 1998, с. 280] — тот неполный перечень модальных характеристик, выражающих внутренний мир персонажей — повествователей средствами изъяснительных СПП.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вейхман Г.А.* Лингвистика текста и проблема сложноподчиненных предложений // ВЯ. 1984. № 5.
2. *Волошинов В.Н.* Марксизм и философия языка. Л., 1929.
3. *Гаврилова Г.Ф.* О сочетаемости опорных слов в сложноподчиненном предложении// Сочетаемость синтаксических единиц. Ростов н/Д., 1984.
4. *Золотова Г.А. и др.* Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
5. *Черемисина М.И., Колосова Т.А.* Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск, 1987.